ванію чисто искусственный и антисоціальный характеръ. Развѣ не смотрятъ, благодаря имъ, какъ на преступленіе на помощь одного ребенка другому,—на помощь, которая должна бы была считаться заслугой.

«Дисциплина уродуетъ ребенка,—говоритъ Ридеръ, инспекторъ сиротскаго дома въ Нью-Іоркѣ. — Только жизнь, богатая, полная, свободная и естественная жизнь можетъ подготовить къ жизни».

Въ средѣ современныхъ педагоговъ замѣтно сильное броженіе, и твердо обоснованныя убѣжденія такого человѣка, какъ Толстой, не могутъ не оказать на нихъ серьезнѣйшаго вліянія. Когда онъ призываетъ насъ сдѣлать такъ, чтобы ребенокъ былъ по преимуществу самъ своимъ учителемъ, то мы должны глубоко вникнуть въ его совѣтъ.

Учите ребенка, если онъ хочетъ учиться; не отвѣчайте ему вашими пошлыми фразами: «Ты поймешь это послѣ, мой милый», или «не мѣшай мнѣ». Постарайтесь отвѣтить ему, когда онъ о чемъ-либо спрашиваетъ васъ, и не навязывайте ему тѣхъ знаній, къ какимъ онъ не чувствуетъ еще склонности.

Много разъ было замѣчено, что мальчики, воспитанные въ деревнѣ, вообще имѣютъ болѣе успѣха въ жизни, чѣмъ воспитанные въ городѣ. Но не потому ли бываетъ такъ, что они воспитываются въ большой свободѣ? Не потому ли развивается въ нихъ и привычка полагаться на себя, что они обыкновенно сами рѣшаютъ за себя вопросы о томъ, что имъ дѣлать: «влѣзть ли на яблоню или пускать корабликъ на рѣчкѣ?»

Вездѣсущіе няньки, гувернантки и гувернеры, воспитательницы и воспитатели только лишь убиваютъ оригинальность въ ребенкѣ, а городскія улицы представляютъ слишкомъ мало простора для развитія его духовныхъ силъ. Лучшая обстановка для ребенка, а, слѣдовательно, и лучшая школа для него есть та, которая открываетъ предъ нимъ наиболь-